

— Цзыюэ, я пришел навестить тебя... — произнес Циянь Хаои, доставая винный кувшин и три бокала, один из которых наполнил наполовину.

Он поднял бокал:

— Цзыюэ, это твое любимое чистое вино из государства У. Попробуй...

Бай Юэцзэ, стоявший рядом, удивленно подумал: когда Цзыюэ в прошлой жизни говорил, что любит вино из У? Возможно, это лишь предположение Хаои?

Циянь Хаои поднял бокал, и Бай Юэцзэ ожидал, что он выльет вино перед алтарем Цзыюэ, но вместо этого Хаои повернулся и протянул бокал ему:

— Я специально послал людей за этим вином. Попробуй, как оно? Узнай, понравилось бы оно Цзыюэ...

Бай Юэцзэ, не раздумывая, взял бокал и выпил его залпом.

— Как на вкус? — тихо спросил Хаои.

— Свежо и изысканно, хорошее вино... — ответил Юэцзэ, смакуя.

— Нравится?

— Неплохо.

Хаои улыбнулся, достал еще одну бутылку и наполнил второй бокал:

— Это гаоляновое вино из Ляна, оно тоже было любимым Цзыюэ. Попробуй...

Юэцзэ сделал глоток:

— Ароматное и насыщенное, неплохо...

— Нравится?

— Неплохо...

— А теперь попробуй кумыс из Ляна.

Юэцзэ снова выпил залпом, облизнулся, словно хотел еще.

— Как?

— Есть еще?

— Есть, но ты еще не поправился, много пить нельзя. — Хаои улыбнулся, убрал вино из У и гаоляновое вино, оставив только кумыс, аккуратно наполнил три бокала и поставил их перед алтарем Цзыюэ.

Он поднял один бокал, глядя на алтарь, и медленно произнес:

— Цзыюэ, теперь Сяо-эр вырос и стал разумным...

— Теперь смута утихла, все успокоилось. Циянь Чжилюй заключен в тюрьму, Циянь Дэгуан

мертв, те, кто причинил тебе зло, получили по заслугам. Я наконец отомстил за тебя...

— Тогда я не должен был говорить в гневе, подозревать тебя и Атай... Цзыюэ, простил ли ты меня...

— Цзыюэ, я клялся перед тобой, что, когда смута утихнет и я отомщу за тебя, я поручу Сяо-эр старшей сестре и последую за тобой... Но теперь, боюсь, мне придется нарушить это обещание...

— Юэцзэ слишком много для меня сделал...

— Оставшееся время этой жизни я хочу провести с Юэцзэ... Ты будешь на меня обижаться? Ты был один внизу столько лет, ты ненавидишь меня...

— Цзыюэ, Цзыюэ... На мосту Найхэ, позволь мне снова увидеть тебя...

— Цзыюэ, каждый год я буду приводить Сяо-эр и Юэцзэ к тебе. Надеюсь, ты явишься мне во сне... Даже если не простишь, просто приди ко мне...

Три благовония, которые Хаои зажег ранее, уже догорели, пепел, как иней, осел в курильнице.

— Цзыюэ, Цзыюэ, скажи, встретимся ли мы в следующей жизни...

Хаои поднял бокал, выпил его залпом и закрыл глаза.

Бай Юэцзэ стоял позади него, чувствуя, как его сердце сжимается, ему почти не хватало воздуха.

Глаза Хаои покраснели. Он передал три благовония Юэцзэ, погладил его по голове и хрипло сказал:

— Юэцзэ, тоже зажги благовоние для Цзыюэ...

Юэцзэ взял благовония, поднял голову и увидел, как Хаои смотрит на него. Его взгляд был глубоким, словно проходил сквозь него, устремляясь куда-то вдаль. В глубине его глаз бушевали волны, готовые поглотить Юэцзэ целиком.

Юэцзэ замер, голова закружилась, он пошатнулся, благовония чуть не упали.

— Что случилось? Тебе плохо? — испугался Хаои, обнял его и спросил:

— Не стоило давать тебе вина. Если плохо, я сейчас же отвезу тебя обратно!

Юэцзэ успокоил дыхание, одной рукой придерживая голову, с трудом ответил:

— Ничего... Редко сюда приходим, нужно сделать то, что положено...

— Юэцзэ... — Хаои вдруг понял, что его голос стал настолько хриплым, что он почти не мог говорить.

Хаои помог Юэцзэ вставить благовония в курильницу. По традиции, после этого нужно было трижды поклониться. Юэцзэ уже собирался поклониться, но Хаои остановил его.

Юэцзэ хотел сказать, что с ним все в порядке и поклоны не помешают, но, подняв голову, он

замер.

Хаои с самого начала стоял, опустив голову, но при свете свечей в мавзолее Юэцзэ разглядел следы слез на его лице.

Хаои заметил замешательство Юэцзэ и быстро отвернулся, пытаясь незаметно стереть слезы.

Юэцзэ поднял руку и медленно коснулся щеки Хаои:

— Деревяшка, если в будущем кто-то скажет, что я демон, что ты сделаешь?

В тот момент, когда пальцы Юэцзэ коснулись его, Хаои замер. Юэцзэ хотел мягко повернуть его голову, но Хаои вдруг крепко обнял его:

— Я не стану слушать, что говорят другие. Отныне я буду верить всему, что ты скажешь... — голос Хаои дрожал.

— Всему, что я скажу? — Юэцзэ закрыл глаза, а когда открыл, в них, казалось, светился золотой свет.

— Всему. — Хаои крепко обнял Юэцзэ, словно боясь, что тот исчезнет.

— Если я скажу... что я — Бай Цзыюэ, ты согласишься? — Юэцзэ стоял в мавзолее, тихо прошептал это на ухо Хаои.

Сердце Хаои чуть не выпрыгнуло из груди. Он долго молчал, наконец сдавленно вздохнул:

— ...Я знал, Цзыюэ, ты вернешься...

На горной тропе крупный черный конь мчался во весь опор, на его спине виднелись два силуэта.

Один конец тропы вел к императорскому мавзолею Ляна, другой — к окраине Ляна. Обычно здесь было мало людей, а сейчас, при ярком свете луны и звезд, тропа была особенно тихой.

Хаои одной рукой держал поводья, другой обнимал Юэцзэ за талию, опустив голову в его волосы. Его голос дрожал, дыхание было тяжелым.

Юэцзэ позволил Хаои прижаться к себе, не сопротивляясь.

Всю дорогу они молчали, лишь тесно прижимаясь друг к другу.

Лунный свет озарял лес, тропинка была усыпана пятнами света. Временами дул ночной ветерок, и вокруг становилось еще тише.

Бэнься свернул за поворот, и мавзолей окончательно скрылся из виду.

Хаои натянул поводья, и Бэнься замедлил шаг. Он поправил плащ и крепче обнял Юэцзэ.

Юэцзэ пришел в себя и легонько похлопал его по спине:

— Наплакался? Если еще не хватит, можем поплакать еще...

Не успел он договорить, как Хаои резко развернул его и страстно поцеловал, заглушив

остальные слова.

На спине коня две стройные фигуры слились воедино. Бэньсяо фыркнул и остановился.

— Цзыюэ, Цзыюэ... — Хаои едва мог говорить, его голос был хриплым. — Ты действительно вернулся...

— Ты и вправду деревяшка, неисправимый... — Юэцзэ с трудом отстранился, едва переводя дыхание. — Ты уже несколько раз повторял это в мавзолее, все еще не веришь?

— Цзыюэ... — Хаои развернул Юэцзэ, и их лица оказались совсем близко. — Цзыюэ...

Юэцзэ молчал.

— Цзыюэ... — глаза Хаои покраснели, он тяжело вздохнул, словно говоря сам с собой. — Как ты мог быть так жесток, так долго молчать и только сегодня рассказать мне правду...

— Я...

Юэцзэ хотел что-то сказать, но Хаои снова поцеловал его, не дав возможности говорить.

Юэцзэ чуть не взбесился.

— ...Но Цзыюэ, я так рад, что сегодня ты рассказал мне... — Хаои одной рукой обнимал Юэцзэ за талию, нежно целуя его в уголок губ.

[Авторские примечания отсутствуют]

<http://bllate.org/book/17679/1648121>